Кинорежиссер Михаил Косырев-Нестеров побывал в Нижнем Новгороде, чтобы представить зрителям свой новый фильм – «Океан», премьера которого прошла 19 сентября в кинотеатре «Рекорд». Также режиссер рассказал, как шла работа над фильмом и как родилась сама идея снимать на Кубе.

«Океан» - это последняя за последние четверть века сопродукция с Кубой. Когда-то – в 60-е годы – было очень много фильмов, сделанных на Кубе. Люди нашего поколения видели фильмы про индейцев с Гойкой Митичем – они тоже частично сняты на Кубе. Потом связи были прерваны.

Так что это возобновление прежних связей. Пришли к таким условиям, что русский будет режиссер – это я, оператор, основная съемочная группа, а вот актеры будут кубинские.

Соответственно, фильм на испанском языке. На Кубе русский язык уже забыли, но для нашего отечественного зрителя будет дан закадровый перевод. Но в любом случае, зритель услышит живую испанскую речь, которая даже не столько испанская, сколько кубинская – там образовался уже свой собственный сленг, и некоторые испанцы теперь не понимают, что говорят кубинцы.

Мне было очень легко работать над этим фильмом. Вся наша съемочная группа получила большое удовольствие от этой работы.

Надо отметить, что там очень сильная актерская кубинская школа. И когда мы стали выяснять, почему там такие сильные и интересные актеры, нам сказали: «Педагоги учились у вас в Советском Союзе». И системы Станиславского, Чехова – все это на Кубе сохранено.

Я, будучи патриотом своей страны, считаю, тем не менее, что у нас сейчас очень слабая актерская школа. Из-за перестроечных моментов часть педагогов, которые преподавали актерское мастерство, ушли в какие-то другие сферы, некоторые спились, а некоторые просто умерли. И образовался огромный вакуум, а на Кубе его нет.

Этот фильм я отнес бы к тому направлению как неореализм. Он родился в Италии. Бралась история из жизни обычно самых простых людей. Есть кино о богатых и есть кино о простых людях. Вот мы хотели сделать кино о простых людях. Поэтому действие картины начинается в рыбацком поселке. Актерам надо было влезать в шкуру рыбаков, и, я думаю, у них все это вполне органично получилось.

Сейчас неореализм превратился в такую документальную эстетику. То есть, как бы документальное кино, хотя это постановочное кино. Но это был не только рассказ о простых людях, но история была и рассказана с позиций простого, обычного человека. Гуманизм с неореализмом мы попытались соединить применительно к той истории, которая рассказана в «Океане».

С большим сожалением я узнал, что ураган, который прошелся недавно по Кубе, практически уничтожил ту провинцию, где мы снимали – Пинар-дель-Рио. Там и так бедно, а теперь все дома – нам позвонили и сказали – они практически сметены. И очень сильно во время последнего урагана пострадал Малекон – главная улица Гаваны.

Но зритель увидит тот фильм, который запечатлел Кубу в последние годы правления Фиделя Кастро. Съемки велись в 2007 году, и в фильме законсервировано состояние Кубы того года.

На Кубе этот фильм будут показывать?

Это сложно сейчас сказать. Даже приезжал чиновник с Кубы на Московский кинофестиваль, на котором показывали этот фильм. И пока они не решили.

В фильме очень неопределенно кончается линия Жасмин – она просто пропадает.

Пропадает, да. У нас есть более длинная версия картины, и там есть еще некоторые эпизоды. Режиссерская версия на 15 минут длиннее. Мы планируем потом выпустить на DVD.

Название фильма – «Океан» - появилось сразу или нет?

Сначала было рабочее название. Мы даже среди съемочной группы проводили конкурс на лучшее название. Кубинцы очень огорчились, когда узнали, что фильм будет называться «Океан». Потому что для них океан – это ничего. Вот – земля, а вот – океан. А мы, русские, в это слово вкладываем больший смысл: океан чувств, страстей, переживаний. И соотношение – человек и океан. Что такое океан и что такое человек, по сравнению с ним. Хотя некоторые люди могут вместить в себя океан… Кубинцы предлагали другие названия. Но в результате в международный прокат фильм все-таки пойдет под названием «Океан».

Как вы работали над сценарием фильма? Планировалось сразу снимать на Кубе?

Сценарий не был привязан к отдельной стране. Если снимать эту историю на нашей, российской почве, то можно представить, что получится – беспросветная чернуха. А оператор картины Олег Лукичев отдыхал на Кубе как турист, он приехал и сказал, что получил там такой заряд позитивной энергии и предложил картину поместить туда. Я тоже туда слетал и решил, что именно там и надо этот фильм делать.

Кроме всего прочего, есть еще и финансовая сторона. Потому что здесь актеры на предварительной стадии запросили такие гонорары – и непонятно, на каком основании.

У нас тут актеры очень разбалованы. Я бы при таких условиях просто не потянул фильм как продюсер, отвечающий за финансовую сторону.

На Кубе мы смогли договориться гораздо дешевле.

И еще одна есть сторона, которая важна для фильма, – на Кубе очень сильна семья. В принципе, во всем мире это умирает: в Европе это умерло, умирает и в России. А на Кубе институт семьи сохранен, там никому не придет в голову отдать в детский дом ребенка.

У нас по первоначальному сюжету рыбачка усыновляет детей из детского дома. Но когда мы стали снимать, актриса, играющая ее, сказала: «Вы что – с ума сошли? Нет на Кубе детских домов».

Еще был момент, связанный с убийством на любовной почве: для Кубы убийство человека – это грандиозное событие. Там, если убили человека, даже на бытовой почве, это сразу попадает во все центральные газеты. Там очень редко случаются убийства. Остров небольшой, и там семейные отношения и отношения между людьми – очень тесные. Там нет института денег, как у нас, нет понятия собственности (из-за чего у нас все происходит)… И мы им говорили: «Ой, ребята, что вас ждет – вы даже не представляете. Еще год-два-три – и у вас все начнет меняться». Так что мы как бы вскочили в уходящий поезд и сняли ту жизнь.

Сейчас там жизнь уже немного изменилась: там стало хуже с едой, зато разрешили ввозить технику и разрешили населению пользоваться Интернетом. Посвободнее стала чуть-чуть страна, но с едой там вообще напряг.

Я был там последний раз где-то в марте этого года, чтобы урегулировать права, там были большие проблемы с едой. Выбирать между едой и свободной – что тут посоветовать? Даже не знаю…

Очень важный момент, что для меня это все же страна позитивная. И мы хотели сделать фильм – по ощущениям позитивный.

Как вам работалось с кубинцами?

Я тут на днях прочитал свое интервью с самим собой – после «Кинотавра», которое я на самом деле не давал. Американская журналистка меня спрашивала, она там все переврала, я был в шоке. У самого интервью такой заголовок - «Мне вырезали все нервы». Это неправда! Работать с кубинцами было наслаждением. Они очень открытые, очень работоспособные. Все, чем мы были запуганы – что они ленивые, не хотят работать – это неправда. Наши хуже работают. Я, конечно, не говорю про всех российских актеров. Но кубинцы – очень порядочные, очень работоспособные люди, а актеры вообще замечательные. То, что я смог от них взять – это только часть их возможностей. Из-за закрытости острова они не могут в мир пробиться.

«Океан» будет показан на Токийском фестивале. Я очень рад, что помогу и фильм поможет замечательным кубинским актерам выбиться в мир.

Я могу себе представить, что будет с этим молодым актером Джорджем Кастро, который сыграл главного героя Джоэля, когда он окажется в Токио. Он хотел, конечно, и в Россию, но не получилось. В Токио у него точно крышу снесет, потому что та реальность, в которой они живут – она совсем другая, и Токио – это другой век для них.

Но все равно у кубинцев нет низкопоклонства перед Америкой, перед Западом, они все-таки испанцы, они завоевали этот остров, и они очень гордые. И я думаю, что у Джорджа крышу снесет, а потом все обратно восстановится.

А на Кубе снимают свое кино?

К огромному сожалению, нет. Там, конечно, снимают американцы, немцы. Но свой кинематограф погубила кубинская бюрократия. Это мы погубили, потому что вся сильно забюрократизированная система отношений – она пришла из Советского Союза. Там забюрократизировано все до такой степени, что недостаточно одной подписи на договоре – там должно быть три подписи. Когда мы стали возмущаться – почему так трудно, нам сказали: «Это вы придумали, это ваше! Чего же вы хотите?»

А актриса, которая сыграла Миранду – мать Джоэля, она театральная актриса?

Да.

И все актеры театральные?

Джордж – он учится на театрального актера, он на третьем курсе сейчас. Миранду сыграла профессиональная кубинская актриса и удивительный человек. Кино – это иллюзия, там нельзя ничего потрогать, вопрос только в том – верите вы или не верите. А задача актеров и всех людей, которые над фильмом работают, вас обмануть. Ну, в принципе вы сами себя обманываете… И вот кубинские актеры мне показались очень убедительными. Они сами верят в то, что они делают. У нас на площадке возникало ощущение, что они не играют, а просто живут, что они такие есть.

Последнюю сцену – разговор матери с сыном – мы долго не решались снять. У нас так была экспедиция построена, что мы снимали сперва начало и конец, а потом группа перемещалась в Гавану – снимать середину. И финал в сценарии был другой, чем в фильме. Кино кончалось на том, что Джоэль возвращался в поселок, убив человека.

Фильм снимался в окружении сотрудников кубинского КГБ, и я не решался сказать про финал. Ведь Джоэль убивает пограничника. Это не очень в фильме прочиталось, но муж этой девушки – Анхель – он пограничник. На Кубе за убийство пограничника – смертная казнь, причем, сразу, не будут разбираться – любовная была история или какая. Пограничник – это культовая фигура для островного государства.

И я спросил у актрисы, игравшей Миранду: «Вот если бы ты была той женщиной, сын которой убил пограничника, что бы ты на ее месте сделала?» Она сказала: «Я бы нашла ему лодку, чтобы он уплыл». И я сказал: «Давай так и сделаем».

И у нас экспедиция уже шла к концу, и мы все не снимали и не снимали сцену последнего

разговора матери с сыном. А потом вдруг почувствовали, что дозрели, и они сделали эту сцену с одного дубля – там две камеры снимали. И когда они после этого вышли, они сказали: «Все. Мы пустые». Потому что это требует очень сильной эмоциональной выкладки. И они выложились очень честно.

В нашей системе сериального кино актер отыграл, сделал в полноги и пошел дальше. А здесь на полную выкладывались.

А они понимали, что КГБ рядом?

Конечно. Переводчики были сотрудниками КГБ.

И как это повлияло на фильм?

Да никак. Сотрудники КГБ – они тоже люди, они понимают, что происходит в стране. Сначала сложно складывались отношения, а потом – ну вы работаете, мы тоже работаем. Когда мы сняли финал, что Джоэль уплывает, то прибыли в Гавану снимать первомайскую демонстрацию. Это в фильме не постановочные кадры, мы действительно снимали настоящую демонстрацию. И вот числа пятого приезжает главный продюсер и говорит: «То, что вы сняли на 1 Мая – уничтожьте этот материал». А мы опасались этого, и потому была сделана копия, которую жена оператора вывезла на себе в Москву. И я говорю: «Понимаете, извините, но этот кадр – он уже в Москве». Он расстроился: «Что делать?» Я говорю: «Напишешь отчет, что провел со мной беседу». И он думал, что делать дальше, он говорил: «Если я тебе сейчас запрещу снимать дальше, ты поднимешь шум на весь мир, что на Кубе нет свободы. Ладно, снимай, черт с тобой». И мы снимали дальше.

Но вы представьте себе, если бы такое было у нас в советские годы: приезжает зарубежный режиссер и снимает фильм о том, как наш убивает пограничника и сваливает из страны. Да ему бы просто сказали: «Пошел вон!» А на Кубе нам это разрешили снять.

Но это уже 2007 год, когда Фидель Кастро уже ослаб, и все они одной ногой стоят на неизвестности. Они на всякий случай разрешили нам снять.

Актеры видели готовый фильм?

Да, актерам была показана рабочая версия, я привез им ее, они раздобыли ноутбук и тайно по 20-40 человек смотрели этот фильм.

А как шел поиск актеров?

Джорджа я буквально нашел на улице. Мы приехали смотреть любимую актрису Фиделя Кастро, но она нам не подошла, и тут я боковым зрением увидел парня, который шел мимо. Мы поговорили минут пять и я понял, что главный герой у меня есть. Плюс он оказался актером.

А актрису, сыгравшую Жасмин, я вообще затылком почувствовал. У меня такое первый раз в жизни. Я болтал с администраторшей, и вдруг чувствую – волна такая, лазурь надвигается. И увидел боковым зрением, как она прошла мимо. Я дождался переводчицу, мы полтора часа бегали по театру, искали, кто она такая. И, наконец, мы ее нашли. Мы с ней подружились. Она очень сильная актриса, и даже она не кубинская актриса по своей внутренней наполненности – она мировая актриса. Я ее использовал на какие-то доли процентов. Потенциал у нее гигантский.

Я спросил у нее: «Почему у меня было ощущение, что ты была в сиянии синего?» А она говорит: «У меня был камень на шее – лазурит – магический». Ну я не знаю, так она сказала…

Актеры там потрясающие. Я считаю, что у нас сейчас в стране гигантский вакуум в образовании актеров, они не профессиональны. Это я вам говорю как продюсер и режиссер. И нашим следует поучиться на Кубе тогда уж. Потому что – я не знаю, как теперь у нас готовят – они ничего не умеют, я испытываю глубокое разочарование по поводу некогда знаменитой русской актерской школы.

А театр на Кубе какой?

Театр у них потрясающий. У них какой-то уникальный министр культуры, и то, что нельзя говорить в жизни – все это можно сказать со сцены.

А почему же не снимают кино?

А кино – это дорогое производство. Денег на него не хватает. Для кино нужна пленка, оборудование. А театр – это только актеры. Театр у них потрясающий, наш театр рядом с ним отдыхает. Это надо видеть. Я когда сидел в театре, я думал: «Сейчас, наверное, кто-то придет и всех нас арестуют». Но в театре, оказывается, все можно. Театр – это у них такая условная, параллельная жизнь.

Наверное, таким образом они выпускают пар, чтобы у общества какая-то энергия выходила.

Что вас больше всего впечатлило на Кубе?

Меня люди впечатлили. Я удивлен, что при такой бедности, они все-таки такие позитивные. У нас бы запили или еще что, но было бы очень мрачно. У них этого нет.

Люди – самое большое открытие.

У вас очень талантливый оператор.

Да, это так. Все режиссеры говорят так о своих операторах, но это действительно так.

Он может работать совершенно по-разному. В «Океане» у него быстрая камера, а есть у него и более медитативные работы. Это человек-оркестр.

Но при съемках «Океана» нужно было, чтобы оператор превратился в зрителя и сам рассказывал о событиях. Поэтому мы отказались от штатива и использовали ручную камеру. Я сам почти не смотрел в камеру, моя задача была – создать атмосферу, а его задача была – это снять. Как он снял – так вы все это и видите. Оператор действительно великолепный – Олег Лукичев.

Его большой плюс в том, что он очень любит людей, как это ни банально звучит. Он любит не просто снять, а высветить лицо. Если оператор не любит какую-то актрису, он может завалить ее: он так ее снимет, что уже на пробах ты скажешь: «Ну нет, мы ее никогда не возьмем». А он влюбляется в каждое лицо, и это передается его работе.

А вам не кажется, что в фильме можно было бы сделать больше пейзажей?

Ну, я могу учесть это в дальнейшем. У нас были некоторые ограничения по камерам: нам сказали, что общие планы будут плохо выглядеть, и мы старались строить на средних и крупных планах. Когда в последствии в Москве мы стали смотреть материал, то мы увидели, что эти камеры держат, в общем-то, и общие планы, так что можно было бы делать их больше.

Почему фильм переводит один человек?

Мы искали очень долго, кто бы мог читать перевод. Вы же знаете, какая у нас школа дубляжа – у нас пытаются играть за актеров. Мы долго думали, как нам сделать. Потом нашли человека, который нам прочитал бы перевод. В результате мы слышим оригинальные реплики актеров и перевод. Я давал задание не просто читать, а временами как бы давать свое отношение. Я просил его делать это ненавязчиво. А с субтитрами очень тяжело смотреть, тем более что камера в этом фильме быстрая.

В фильме герои слушают музыку при помощи проигрывателя и пластинок.

Действительно ли так сейчас живут на Кубе?

Да, в основном там слушают пластинки. Это не ретро, это правда. Мы ничего там не подкрашивали.

Туда не завозят технику, да и людям не на что было бы ее купить. Мы не платили актерам, которые у нас снимались – нам не разрешили этого сделать. Им платило министерство культуры Кубы. Средняя зарплата кубинца – 20 долларов. Мобильниками им нельзя пользоваться. Только иностранцам можно. Я подарил Джорджу мобильник, оформленный на меня, а потом мне сказали: «А как ты будешь платить за него? Здесь стоимость разговоров – 70 долларов в месяц». Еще я подарил ему ноутбук и фотоаппарат. А они там получают копейки от своих властей. Правда через некоторое время к нему пришли и сказали: «Покажи документы на мобильник, ноутбук и фотоаппарат». Он говорит: «У меня нет документов, мне режиссер подарил». Они говорят: «Нет, ты украл». И все у него забрали.

Ну самого-то хоть не забрали?

Нет.

А тренер Джоэля по боксу – он профессионально работает. На эту роль взяли настоящего боксера?

Да. Это не актер. Это настоящий чемпион Кубы 1976 года. На съемах он влюбился в актрису, которая играет его жену. Сначала мы хотели взять на эту роль темнокожую актрису, но он попросил «беленькую». На Кубе расизма нет, там очень распространены смешанные браки. Так что такая пара не выглядит противоестественной. Он был счастлив и дико влюбился в нее. Она профессиональная актриса, и она ему помогала, он учил вместе с нею текст. И, несмотря на свой возраст, он был просто полон энергии.

А Джордж два месяца тренировался, по четыре дня в неделю занимался на ринге. В конце концов, он так заматерел, что начали подумывать, не провести ли какой-нибудь

маленький чемпионат – его, конечно, отколошматят, но что ж сделаешь…

А что означают черные флаги в фильме?

Этот вопрос часто задают. Дело в том, что Фидель для кубинцев – фигура знаковая, и он уже сам стал флагом – и то, что он заболел, не появляется на публике, а по каким-то слухам умер, для них это траур. Но когда происходят массовые мероприятия, такие, как первомайская демонстрация, они снимают черные флаги и вешают свои национальные кубинские флаги. А потом снова вывешивают черные. Чтобы кубинцы не забывались. На самом деле – это все очень искреннее. Брат Фиделя Кастро, конечно, не пользуется таким авторитетом.

Как вы думаете, что позволяет им столько времени сохранять позитив в таком нищенском положении?

Солнце. И, наверное, гены. Это же потомки захватчиков. Они привезли рабов, но полностью ассимилировались. Они живут как хорошая семья – такая итальянская, в моем понимании. Они очень хорошо друг к другу относятся.

На Кубе нет преступности.

Когда в 90-е годы Советский Союз бросил Кубу, то в Гаване съели всех кошек и собак. Есть нечего было. Нам показывали людей дистрофического телосложения, которые родились в те годы. С нашей стороны это было скотство: сделали из острова ядерного заложника, и если бы началась война с американцами, разбомбили бы эту Кубу в две секунды – ничего бы не осталось. Понятно, что за это надо как-то платить. Посадили на шею – это тоже понятно. Но, в любом случае, есть какие-то цивилизованные формы выхода. Но то, что сделал Советский Союз – это было запредельно. Сейчас вот снова пытаются что-то наладить, на Кубу приезжал Фрадков с деньгами – хотят снова вернуть. Но нет, я думаю, что Кубу потеряли. Потому что какие-то вещи – они не то, чтобы не прощают, просто они не забываются.

Кубинцы не злопамятны, но… Пока мы что-то там решали, китайцы начали осваивать на Кубе нефть. Ну, что делать.

19.09.2008**, Polit.ru**